

УДК 81-114.4

Наталья Михайловна Гурина*канд. филол. наук, доц., доц. каф. английской филологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Natalia Gurina***Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of English Philology
of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: huryna.n@gmail.com***РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТА-ГУМАНИТАРИЯ
В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ**

Изучается речевой портрет студента-гуманитария как представителя определенной группы молодежи. Проведен анализ 106 эссе студентов-первокурсников на тему «Мой речевой портрет», составленных методом лингвистической интроспекции. Проанализирован выбор языковых средств, которые студенты используют в качестве диагностирующих в своих текстах на лексико-фразеологическом и синтаксическом уровнях. Дан стилистический, прагматический и метаязыковой комментарий отобранных языковых единиц.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, речевое портретирование, прецедентные тексты, эссе, интроспекция, социолингвистическая характеристика, метаязыковой комментарий.

Speech Portrait of a Humanities Student in the Light of an Anthropological Paradigm

The speech portrait of a humanities student as a representative of a certain youth group is studied in the article. 106 essays by first-year students on the topic «My speech portrait» were analyzed using the method of linguistic introspection. The choice of linguistic means that students use as diagnostic tools in their texts at the lexical-phraseological and syntactic level is analyzed. The author of the article provides stylistic, pragmatic and metalinguistic comments on the selected linguistic units.

Key words: anthropological linguistics, speech portraiture, precedent texts, essay, introspection, sociolinguistic characteristic, metalinguistic commentary.

Введение

Идея создания речевого портрета человека развивается в русле антропологической лингвистики, и уже имеются определенные достижения в этом жанре: например, исследование «А. А. Реформатский как языковая личность», выполненное его дочерью Марией Александровной [1], статья Л. П. Крысина «Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета» [2], статья В. А. Масловой «Поэтическое слово (памяти А. Е. Супруна» к 90-летию учебного) [3].

В нашем исследовании предпринята попытка создания речевого портрета современного студента-гуманитария как представителя определенной группы молодежи в русле антропоцентрической парадигмы в языкознании. «Суть антропологического подхода заключается в принятии человека в качестве исходного базиса исследования. Это означает, что язык рассматривается в тесной связи с человеком, его со-

знанием, мышлением, духовной и практической деятельностью» [4, с. 76].

Материалом явились эссе студентов первого курса факультета иностранных языков на тему «Мой речевой портрет». В итоге было получено 106 сочинений в течение первого семестра одного учебного года. В предварительной беседе мы обсудили цели работы, очертили границы темы и выбор ведущего метода – интроспекции. В эссе включались небольшие сведения анкетного характера: возраст, тип учебного заведения, которое закончил, хобби. Этот необходимый анкетный компонент позволяет узнать, на каком языке проходило обучение, кто повлиял на выбор гуманитарной специальности.

В конечном итоге все студенты занялись самонаблюдением за своей речевой деятельностью, дали социолингвистический и иногда метаязыковой комментарий, поэтому можно констатировать, что поставленная цель достигнута.

Общая характеристика речевой среды

Во вступительной части эссе обнаружили социокультурные предпочтения студентов, в частности все авторы указали влияние на свою речь сети Интернет и платформы Tik Tok. Отмечалась также положительная роль школьного учителя и родителей в выборе специальности. Речевая среда, в которой проходит значительная часть общения, – это друзья, одноклассники/однокурсники, семья. О характере этой среды можно судить по ссылкам на прецедентные тексты, которые цитировались в эссе. Это «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Острие бритвы» С. Моэма, «Три товарища» Э. М. Ремарка, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери, «Аэропорт» А. Хейли, «Бойцовский клуб» Ч. Паланика, «Алхимик» П. Коэльо, «Мы» Е. Замятина, «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, «Горе от ума» А. Грибоедова. Сравним выборочные примеры: «Проблема этого мира в том, что воспитанные люди полны сомнений, а идиоты полны уверенности» (Ч. Буковски); «Просто так в Мордор не попадешь» (Дж. Толкин). Цитируются обычно фразы с ярко выраженным мотивационным посылом («Упади семь раз и восемь поднимись») и раскрывающие тему дружбы («Друзья – это семья, которую мы выбираем сами»).

На лекциях по введению в языкознание упоминались имена ведущих лингвистов, но в эссе их немного, есть ссылка на М. Фасмера как автора словаря и М. Кронгауза как автора книги «Самоучитель албанского».

Антропонимикон авторов очень небогат: певица Билли Айлиш, Дж. Толкин, Кокко Шанель, Дж. Белфорт. Цитировались афоризмы из мультфильмов «Тайны Коко», «Душа», «Король лев», «Рапунцель», из старых советских фильмов, которые пересматривают в семье («Думаете, Марфа Васильевна, нам, царям, легко?»).

Часто вспоминаются фразы в семье, которые используют родители или представители старшего поколения («Мы с бабушкой договорились, что у нее в доме нет сахара, а есть только цукар, и он гораздо вкуснее сахара»).

Анализ лексического материала

Лексический анализ показал, что в каждом эссе есть группа англицизмов, которая входит в активный словарь: *кринж* (от англ. *to cringe* – съезживаться), *краш* (от англ. *crush* – увлечение), *изи* (от англ. *easy* – легкий), *вайб* (от англ. *vibe* – вибрация), *трэш* (от англ. *trash* – мусор). Это самые частотные примеры, записанные как кириллицей, так и латиницей: слово *кринж* встретилось у 40 авторов, *трэш* – у 27, *вайб* – у 21, *краш* – у 14, *изи* – у 10. В словаре иностранных слов последних лет (2020) представлены популярные англицизмы из разных тематических групп, но сленгизмов нет [5]. Аббревиатуры *LOL* (от англ. *Laughing Out Loud* – обхохотываться), *ROFL* (от англ. *Rolling On the Floor Laughing* – кататься по полу от смеха) для выражения эмоционального состояния присутствуют в каждом сочинении. Гибридные словосочетания *спасибо very mach*, *я ничего не understand* единичны, они используются как средство эмфазы.

В результате обобщения языкового материала удалось установить функции языковых единиц, обслуживающих повседневную коммуникацию в рамках неформального коллектива. Например, слово *cringe* – самое частотное в эссе, все привели его в качестве синонима выражения «испанский стыд». Оно обросло производными, что свидетельствует об освоенности в языке-реципиенте: *кринжую*, *ловлю кринж*, *кринжовая ситуация*, *кринжандела*. Раз слово освоено, его невыгодно использовать как средство эмфазы. Поэтому авторы сделали такой метаязыковой комментарий: «Использовать слово *cringe* – это кринжовая ситуация»; «Использовать слова, которые сейчас популярны, например *кринж*, *краш* для меня стыдно»; «Некоторые англицизмы в моей компании сравниваются с употреблением слов-паразитов: *трэш*, *кринж*, *краш*, *кул*»; «Если упоминать слова *РОФЛ* и *кринж*, то мне кажется, что они уже изжили себя. Сейчас все меньше молодежи упоминают их в разговоре»; «Часто я использую прилагательное *лютый*, чтобы последующее слово звучало более экспрессивно и эмоционально: *лютая ситуация*, *лютый день*»; «Мне нравится иногда говорить *хайповый* в контексте постиронии»; «Я использую случайные фразы без смыс-

ла: *ты ж моя курочка, го в тик ток*»; «В моей речи встречается сложное слово *хайпожор*».

Второе по частотности – слово *вайб*: «Он своим появлением сломал вайб»; «У бумажных книг есть особый вайб»; «Еще осень, но я уже ловлю новогодний вайб». Есть прилагательное *вайбовый* – атмосферный. *Шипперить* в значении ‘сводничать’ также оказалось высокочастотным: «Я теперь буду шипперить Ксюшу и Никиту». Вот образец метаязыковой рефлексии одного из первокурсников: «В качестве любимых словечек я бы выделил лишь одно – *имхо*. Имхо, насколько мне известно, является сокращением от «In my humble opinion», т. е. ‘по моему скромному мнению’. Использую, соответственно, по назначению, т. е. тогда, когда выражаю свое мнение насчет какой-то ситуации. Любимых фраз, как и мемов, у меня нет, т. к. с нынешней мем-культурой я просто-напросто не знаком и не желаю ознакамливаться, мне это неинтересно». В ответ на предложение включить в эссе не только лексемы, но и единицы синтаксического уровня было сказано следующее: «Ударные фразы» друзей также не могу выделить, т. к. круг общения у меня довольно узкий, и те, кто в нем состоит, и подавно не используют ничего, что могло бы походить на что-то «ударное». Речевая практика этого студента отличалась оригинальностью, поэтому приведем некоторые цитаты: «Последнее прочтенное мной произведение – это антивоенный роман Э. М. Ремарка “На Западном фронте без перемен”. Оно запало мне в душу, и я хотел бы выделить несколько цитат оттуда и рассказать, почему я решил отметить именно их: “Ожидаешь чудес, а потом все сводится к буханке хлеба”. Эта цитата нравится мне тем, что она отражает человеческую сущность и влияние обстоятельств на нее. Человек, кем бы он ни был, всегда ждет чего-то великого, чего-то особенного, однако обстоятельства – очень сильная вещь и всегда могут переломить как и ожидания, так и самого человека. “Меня могут убить – это дело случая. Но то, что я остаюсь в живых, – это опять-таки дело случая”». Эта цитата отражает положение о том, что жизнь лишь череда случайностей, и я придерживаюсь подобного мнения, хоть и не стараюсь плыть по течению. Другая мысль

из фильма: «Мама говорила, что человеку нужно лишь самое необходимое. Остальное – это показуха». «Моя мама всегда говорила: “Чтобы идти в будущее, нужно избавиться от прошлого”». Первая цитата демонстрирует то, что для счастья нужно немного, лишь самое необходимое, и необязательно захламлять свою жизнь всяким мусором: как вещами, так и людьми, и мыслями, и ситуациями. Вторая цитата показывает, что в жизни нельзя держаться за прошлое, что это никогда не приведет ни к чему хорошему, что будущее важнее прошлого. Эти цитаты из фильма «Форрест Гамп» 1994 г.».

В нескольких эссе звучали небольшие метаязыковые вставки: «*Жесть* – слово-паразит, которое я переняла от друга и использую его без особого смысла». В «Новом словаре модных слов» В. Новикова [6, с. 56] это слово характеризуется как выразительный звуковой жест: «Это скорее эмоциональное междометие, чем существительное с определенным значением». Сегодня ему на смену пришло слово *трэш* с такой же функцией и интонационным оформлением. Авторы оценивают англицизмы как модные слова: «Англицизмы присутствуют в моем лексиконе, т. к. я иду в ногу со временем». Альтернативой англицизмам многие видят использование галлицизмов, которые в нейтральном стиле тоже звучат как средство индивидуализации или эмфазы: *мезальянс, променад, комильфо*. Авторы называют эти неизвестные в их кругу слова «заумными» и не прочь иногда щегольнуть ими, чтобы, что называется, убить наповал собеседника: «Еще я часто говорю *мое почтение*, потому что мне кажется, что это звучит интересно». Другая студентка отметила асемантическую почти консонантную форму слова *пожалуйста* – *пжшшка*, написав, что ей это слово кажется просто забавным. Авторы привели некоторые слова, которые подверглись редукции под влиянием интернет-общения, где требуется краткость: *sis* – сестрица, *спс* – спасибо, *офк* – of course. Студенты используют редуPLICATIONИ типа *пони пон (поняла), дёмки дём (идем)* как средство экспрессии благодаря их фонетическому облику.

Аксиологическая модальность оказалась ведущей в крылатых выражениях типа «Как тебе такое, Илон Маск?» (реакция на необычное событие); «Да ты прямо капитан

Очевидность» (реакция на банальное утверждение). Для выражения сарказма использовались следующие фразы: «Это припадок или он так танцует?»; «Имеет смысл только в альтернативной реальности»; «Мне лень, я пельмень»; «Люди из комода»; «Не то пальто»; «Стильно, модно, молодежно»; «Сейчас кайф словим» в значении ‘получим взбучку’; «Ты мне нужна, как бензин Тесле». Прагматически окрашенными словами являются окказионализмы, ср. выборочные примеры: *шреколад, какроче, пойти в зашмот (заняться шопингом), душила (зануда), голубятина (невкусный продукт), ржекус, тяги (кроссовки)*. Используются частотные английские фразы в нормативном виде, без игровых трансформаций: *For real, everything is connect, set yourself free, I said what I said, she is as icon, extremely slay, I have a dream, good job*. Некоторые лексемы даны в кириллическом алфавите: *сиблинги; мы твинсы (близнецы), чисто соло (в одиночку), софт скилл (существительное скилл – навык обросло производными вроде на скиллах, скилловый переводчик)*.

В группах прижились и локальные шутки, например выражение *фрикативный взрыв*; фраза появилась после очень загруженного дня по аналогии с фраземой *взрыв мозга*. Нейтральный фонетический термин оказался нагружен экспрессией: «*Господа, это настоящий фрикативный взрыв!*».

Заключение

Сочинения подтвердили тенденцию к интернационализации общения, т. к. авторы вставляют англицизмы и английские крылатые фразы в свою речь, используют латиницу в смешанных графических дублетах, легко переключаясь с кириллической клавиатуры на латинскую. Несмотря на некоторую завышенную самооценку и комплементарность по отношению к себе как к языковой личности (что понятно в условиях первого знакомства и самопрезентации), авторы продемонстрировали установку на позитивное использование речевых норм (отказ от обсценной лексики, слов-паразитов), расширение лексикона, следование правилам даже в онлайн-коммуникации. анализ прецедентных феноменов (любимых книг, фильмов, значимых имен) свидетельствует о том, что культурный фон состоит из произведений школьной программы (за редким

исключением). Есть несколько зарубежных авторов (Э. М. Ремарк, Ч. Паланик, О. Уайльд, С. Моэм). Происхождение большинства крылатых цитат – это мультфильмы и некоторые классически советские ленты. Конечно, преподавателям со стажем сегодняшние первокурсники представляются слабыми языковыми личностями, если воспользоваться термином А. А. Ворожбитовой [7, с. 76]. Но все полны желаний улучшить свой речевой портрет («*Моя речь – это мой голос, я верю в силу слов*»). Вера в силу слов, понимание важности успешной коммуникации – это реминисценции, навеянные школьным лингвистическим образованием, о котором многие авторы вспоминают с благодарностью. Хочется привести цитату из сочинения Александры Лукашук, выпускницы гимназии № 4 г. Бреста: «Моя учительница русского языка Ирина Андреевна поддерживала все мои идеи, помогала, направляла, наставляла. Благодаря именно этому человеку я одержала победу в открытом университетском конкурсе “Мастер слова” среди школьников». Думается, наши представления о шокирующем разрыве в знаниях «отцов и детей» несколько преувеличены, они меньше читают, но слушают подкасты, общаются со сверстниками со всего мира, играют в игры. Профессор Элеонора Лассан пишет: «Некогда принудительно усвоенный старшим поколением школьный фонд знаний не существует в когнитивном пространстве нынешнего поколения» [8]. Наш вывод не столь категоричен. Конечно, это пространство не такое когнитивное, но оно есть, мы к нему прислушиваемся. Оно мозаично, динамично, скрыто, в микромир подростков не так то просто проникнуть. Все равно еще некоторое время они будут под нашим влиянием, просто мы боремся за их внимание с соцсетями, Тик Током, маскультурой. Разумеется, они не будут писать на языке тургенева, цитировать петрарку, но все же чутко снимают речевые предпочтения наставников, которые являются для них проводниками в мир высокой культуры.

По мере взросления обучающегося круг источников освоения языка расширяется: помимо школы, друзей, появляются «авторитетные взрослые», другое лингвокультурное окружение. Все это образует языковую среду, которая является базой для

формирования и развития языковой личности. Ближайшая цель преподавателей – сохранить преемственность в работе по речевой культуре между школой и высшим

учебным заведением, показать, что массовая культура – это не единственный тип культуры, и сегодняшние студенты это понимают.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Язык и личность : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1989. – 211 с.
2. Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Рус. яз. в науч. освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–106.
3. Маслова, В. А. Поэтическое слово (памяти А. Е. Супруна) / В. А. Маслова // In Honorem : сб. ст. к 90-летию А. Е. Супруна / под. ред. Е. Н. Руденко, А. А. Кожинной. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 179–184.
4. Омельченко, С. Р. В поисках антропологии языка / С. Р. Омельченко // Науч. диалог. – 2012. – № 12: Филология. – С. 76–79.
5. Ходжагельдыев, Б. Д. Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет / Д. Б. Ходжагельдыев, О. С. Шурупова. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 200 с.
6. Новиков, В. Новый словарь модных слов / В. Новиков. – М. : АСТ, 2012. – 256 с.
7. Ворожбитова, А. А. Лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система / А. А. Ворожбитова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 312 с.
8. Лассан, Э. Р. Текстовые реминисценции и гражданская лирика / Э. Р. Лассан // In Honorem : сб. ст. к 90-летию А. Е. Супруна / под. ред. Е. Н. Руденко, А. А. Кожинной. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 159–169.

REFERENCES

1. Jazyk i lichnost' : sb. st. / AN SSSR, In-t rus. jaz. ; otv. ried. D. N. Shmieliov. – M. : Nauka, 1989. – 211 s.
2. Krysin, L. P. Sovriemiennyj russkij intielligent: popytka riechievogo portrieta / L. P. Krysin // Rus. jaz. v nauch. osvieshchienii. – 2001. – № 1. – S. 90–106.
3. Maslova, V. A. Poetichieskoje slovo (pamiati A. Ye. Supruna) / V. A. Maslova // In Honorem : sb. st. k 90-lietiju A. Ye. Supruna / pod. ried. Ye. N. Rudenko, A. A. Kozhinoj. – Minsk : RIVSh, 2018. – S. 179–184.
4. Omiel'chienko, S. R. V poiskakh antropologii jazyka / S. R. Omiel'chienko // Nauch. dialog. – 2012. – № 12: Filologija. – S. 76–79.
5. Khodzhgiel'dyjev, B. D. Illiustrirovannyj slovar' anglijskikh zaimstvovanij v russkom jazykie posliednikh liet / D. B. Khodzhgiel'dyjev, O. S. Shurupova. – M. : FLINTA, 2020. – 200 s.
6. Novikov, V. Novyj slovar' modnykh slov / V. Novikov. – M. : AST, 2012. – 256 s.
7. Vorozhbitova, A. A. Lingvoritorichieskoje obrazovanije kak innovacionnaja piedadagogichieskaja sistiema / A. A. Vorozhbitova. – M. : FLINTA : Nauka, 2015. – 312 s.
8. Lissan, E. R. Tiekstovyje rieminiscencii i grazhdanskaja lirika / E. R. Lissan // In Honorem : sb. st. k 90-lietiju A. Ye. Supruna / pod. ried. Ye. N. Rudenko, A. A. Kozhinoj. – Minsk : RIVSh, 2018. – S. 159–169.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.02.2024